

Часовой чести

Мое участие в "заговоре" с Гумилевым

Оригинал здесь: [Николай Гумилев](#).

КОГДА Н. С. ГУМИЛЕВА АРЕСТОВАЛИ, никто в петербургских литературных кругах не мог угадать, что сей сон означает. Потому что, казалось, не было в них писателя более далекого от политики, чем этот цельный и самый выразительный жрец "искусства для искусства". Я не верил и продолжаю не верить в причастность его к тому заговору, за мнимую связь, с которым он расстрелян, -- к так называемому "таганцевскому". Здесь он был ни при чем -- я имею к этому утверждению вполне определенные основания, -- как ни при чем было и большинство из 61 расстрелянных по этому плачевному делу, если только вообще был в нем кто-либо при чем, начиная с самого Таганцева. Вообще же Гумилев не только был способен "быть заговорщиком", но и хотел им быть -- страстно искал заговора, к которому стоило бы примкнуть, и с твердостью шел навстречу каждой попытке контрреволюционного действия, имевшей хоть тень правдоподобия.

В ОДНОЙ ИЗ ТАКИХ НЕ СОСТОЯВШИХСЯ попыток мы оба участвовали, и открыл ее существование Гумилеву и привлек его к ней я по определенному расчету, что он, как бывший офицер, имея большое знакомство в офицерских кругах и пользуясь в них симпатией и влиянием, возьмет на себя организацию боевой подготовки. Он был в восторге, горячо меня благодарил и сейчас же наметил и предложил ввести в заговор еще одно лицо, близкое к "Всемирной Литературе", где мы обыкновенно встречались.

Человек этот -- очень умный, солидный, ученый, как будто с большим характером, на словах отъявленный враг большевиков (включительно до благословения на террор), вообще, симпатичный и со всею видимостью "настоящего парня" -- казался подходящим и мне. Сошлись втроем и объяснились. Говорил Гумилев, я лишь вносил поправки, когда он ошибался. Человек наш выслушал очень внимательно, с заметным волнением, бледный, -- потом, минутку подумав, сказал:

-- Господа, благодарю вас за доверие, расстроган им. Проекту вашему сочувствую всею душою и нахожу его вполне осуществимым. Больше скажу: это как раз то, о чем я сам не раз думал и что предложил бы к организации. Но принять участие, простите, не могу. К стыду моему, -- сочувствуя, веруя, желая, -- все-таки не могу. И не могу именно по симпатии к предприятию. я испортил бы все дело. Признаюсь вам совершенно откровенно: я трус. Наружность у меня такая, что кажется, могу быка с ног свалить, голова -- как будто логическая, рассудочная, мыслю правильно, говорю храбро, но -- чуть надо действовать, никуда не гожусь: отвратительный физический трус! Вот и сейчас: я только узнал, что есть нечто вроде заговора в близком мне кругу, -- и посмотрите вы на меня: хорош? И руки-ноги похолодели, и в животе спазмы... А если я, пойдя на отчаянность, возьму в заговоре ответственную роль, тогда что?

-- Что же? По крайней мере, честно, -- холодно "резюмировал" Гумилев.

Честно-то оно честно, -- доноса "физический трус" не сделал и, вообще, сумел держать язык за зубами, чему, может быть, именно "физическая трусость" -- то и способствовала: окаменелое лицо и недвижимый взгляд Гумилева, упертый прямо в лицо, должны были хорошо запомниться слабожелудочному горемыке. Но впоследствии, когда Гумилев был уже под землю, а я в далекой эмиграции, наш "физический трус" отлично поладил-таки с большевиками и устроился при них в своей ученой части с совершенным удовольствием, имя его мелькало даже в заграничных командировках, в которые, как известно, ГПУ малонадежных своих поданных не пускает. Гумилев был человек большой храбрости и присутствия духа, закаленных и в ужасах великой войны, и в диких авантюрах сказочных африканских пустынь. Такому беспокойному человеку под бурей смутного времени как не быть заговорщиком?

Прибавьте к этому прямолинейную убежденность -- своеобразный "холодный фанатизм", не способный к гибкости, бесстрашный в поведении. В обществе товарищей -- республиканцев, демократов и социалистов -- Гумилев без опасения за свою репутацию громко провозглашал себя монархистом. В обществе товарищей атеистов-богоборцев, вольнодумцев, не смущаясь насмешливыми улыбками, носил на груди большой крест-тельник и крестился на все церкви. Как-то раз я заметил ему -- помню, у церкви